

В докладе Цзя Пэнчэна упоминался случай с убийством, которое произошло из-за Лю Вэй некоторое время назад.

Хотя говорится, что это было недавно, на самом деле это произошло в прошлом году. Почему же это дело подняли только в сентябре этого года? Здесь есть нечто подозрительное.

Лю Вэй, находясь в своём родном городе, злоупотреблял властью отца, притеснял людей и творил беззакония, подобно Гао Яней, что вызывало большое беспокойство среди местных жителей. Однако никто не решался вмешаться, ведь все чиновники Поздней Мин находились под контролем Лю Дая.

Лю Вэй любил проводить время в публичных домах, при этом пытаясь выглядеть образованным. Однажды он влюбился в одну из девушек-артисток, и между ними возникла драка. Противник оказался сильнее, и Лю Вэй получил удар по голове. Тогда слуги бросились на помощь и убили того человека.

Это дело могло быть как серьёзным, так и незначительным, ведь Лю Вэй лично не принимал участия в убийстве. Если бы потребовали выдать виновного из семьи Лю, они бы предоставили сотню человек. Что касается штрафов, то они были бы смехотворными и не имели бы никакого значения.

Однако теперь это дело было поднято императором на утреннем совете.

Если бы император был недоволен, он мог бы просто сделать выговор. Но сначала дело было оставлено без внимания, а затем снова поднято. Неужели у Сюй Чэна были другие планы?

Намерения императора оставались неясными, и кто-то должен был прощупать почву. Министр войны Фан Янь вышел вперёд, чтобы заступиться за Лю Дая.

Внешне он говорил о недостатке воспитания и большой ответственности, требовал, чтобы семья Лю не укрывала преступника и выдала его властям. Кроме того, как соучастник, Лю Дай должен был лишиться части жалования, чтобы запомнить урок.

Кажется, это был пример мягкого наказания.

Чжу Линсы, увидев, что Фан Янь вышел вперёд, улыбнулся:

— Господин Фан, вы хорошо знаете законы, поэтому я хочу задать вам вопрос.

— Что должно произойти, если кто-то попытается убить меня?

Переход императора к этой теме был слишком резким, и все чиновники были поражены. Се Цзин слегка опустил голову, а Сюй Чэн выглядел так, будто хотел услышать больше.

В сердце Лю Дая внезапно возникла тревога. Дело о покушении на императора находилось в его ведении, и уже больше месяца не было никакого прогресса. Император не торопил его, и теперь Лю Дай понял, что был слишком легкомысленным.

Он изначально хотел направить подозрения на князя Ци, но у него не было доказательств.

Теперь император поднял этот вопрос. Что это могло означать?

Фан Янь выглядел растерянным. Чжу Линсы говорил серьёзно, но тон его голоса был скорее дружеским.

— Господин Фан, взгляните, что это?

В жёлтом парчовом свёртке лежали две железные стрелы.

Фан Янь осмотрел их и понял, что это модель, выпущенная в прошлом году. Он честно доложил об этом.

Император сказал:

— Но почему стрелы Поздней Мин оказались за пределами города Баонин и были направлены в меня?

Услышав это, все чиновники начали громко обсуждать ситуацию.

Фан Янь был поражён и испуган. Хотя главный советник Лю в разговорах с подчинёнными часто выражал пренебрежение к молодому императору, он вряд ли мог иметь такие намерения.

Однако, увидев стрелы, Фан Янь начал понимать суть дела.

Это было повторение старой истории.

Когда он был в Сюаньфу, Лю Дай давал такие же указания. Теперь, похоже, это невозможно скрыть.

Подумав об этом, его лицо побелело.

Лю Дай, увидев стрелы и поведение Фан Яня, хотя и не знал всех деталей, почувствовал, что всё раскрылось.

Теперь он только хотел обругать Го Фэна и людей Бэйсяна, забыв, что именно он отправил Го Фэна туда.

Император спросил:

— Господин Фан, вы знаете, кто это сделал?

Фан Янь оказался в затруднительном положении.

Если бы он утверждал, что стрелы были в Управе Шуньнин, то как министр войны он был бы ответственен за приказ стрелять в императора.

Но если бы это сделали люди Бэйсяна, он бы также был виновен в халатности.

Однако разница между намерением убить императора и простой ошибкой была огромной.

Выбрав меньшее из двух зол, Фан Янь решил свалить вину на кого-то другого.

— В прошлом году в Управу Шуньнин было отправлено пятьдесят тысяч стрел, которые находились под контролем евнуха Го Фэна.

Лю Дай ожидал, что Го Фэн будет выставлен виновным, и начал быстро соображать. Го Фэн находился в Управе Шуньнин, и даже на быстрых лошадях потребовалось бы пять-шесть дней, чтобы добраться туда. Если бы с ним что-то случилось по дороге, то доказательств бы не

осталось.

Однако, как только он подумал об этом, император сказал:

— Приведите Го Фэна.

Лю Дай и Фан Янь поняли, что Го Фэн уже был доставлен.

В сердце Лю Дая воцарилась пустота, и он начал дрожать, понимая, что император не собирается давать ему шанс спастись.

Казалось, что терпение и уступки императора достигли своего предела.

Император никогда ему не доверял.

Го Фэн прямо на заседании обвинил Лю Дая в том, что тот приказал ему передать двадцать тысяч стрел и двести тысяч лянов серебра людям Томуханны из Бэйсяна, и всё это было сказано прямо перед чиновниками.

Чжу Линсы, узнав об этом, был настолько разгневан, что не мог говорить.

Эти деньги можно было отдать кому угодно, но только не Томуханне.

Ли Сяньда говорил, что его главным препятствием в объединении племён Бэйсяна была бедность.

Теперь всё стало ясно: Лю Дай сам отправил ему деньги.

Осознав, что ситуация безнадежна, Лю Дай внезапно стал спокойным. Сюй Чэн с гневом спросил его, почему он отдал оружие и деньги разбойникам. Лю Дай громко рассмеялся.

— Поздняя Мин тратит на оборону границ ежегодно не менее миллиона, а иногда и больше, но за многие годы так и не смогла победить разбойников.

Лю Дай говорил частичную правду. Бэйсян действительно был серьёзной проблемой для Поздней Мин, и огромные военные расходы не принесли результатов.

Однако эти деньги не только шли на солдат. Хотя служба была опасной, генералы становились богатыми, а военные чины стремились занять эти должности. О коррупции и говорить не приходится.

— Теперь, если мы будем давать Томуханне двести тысяч лянов серебра в год и снабжать его оружием, он будет воевать с другими племенами, и у них не будет времени беспокоить наши границы.

Чжу Линсы, вспомнив процветающий вид Управы Шуньнин, даже подумал, что в его словах есть доля правды.

— Почему именно Томуханна?

Чжу Линсы не мог понять, неужели Лю Дай, как и Ли Сяньда, сразу понял, что Томуханна — жестокий человек.

Ответ Лю Дая был прост.

Томуханна был самым бедным, поэтому военные расходы могли быть значительно сокращены. Также он не сказал, но Чжу Линсы понял, что остальные деньги они могли разделить между собой.

Кроме того, Томуханна пообещал Го Фэну, что после объединения семи племён он покорится Поздней Мин, и Го Фэн согласился ходатайствовать о его награждении.

Чжу Линсы глубоко вздохнул:

— Вы выращиваете ядовитую змею!

Лю Дай понимал, что если это дело раскроется, никакие его связи и ученики не помогут. Даже если он попытается оправдаться, обвинения в предательстве и подкупе врагов будут слишком серьёзными.

Никто не вспомнит, что он таким образом поддерживал мир на границе в течение многих лет.

Когда Фан Янь был в Сюаньфу, он использовал тот же метод. Если бы император не подвергся покушению во время охоты, это дело не получило бы такого развития.

Теперь уже было поздно что-либо говорить.

Чжу Линсы и Се Цзин обменялись взглядами и успокоились.

Они приказали Министерству наказаний, Храму Дали и Цензорату провести совместное расследование Лю Дая и Го Фэна.

Всего за одно утро ситуация в зале заседаний полностью изменилась.

Поскольку ранее не было никаких предзнаменований, среди чиновников начали распространяться слухи о «непредсказуемости императора».

Министерство наказаний ранее находилось в руках Лю Дая, и теперь, когда он был отстранён, император назначил Се Цзина, оставив его в должности заместителя министра, чтобы он возглавил Министерство наказаний. Цензорат и Храм Дали уже находились под контролем фракции Сюй Чэна, поэтому совместное расследование оказалось в руках сторонников Сюй Чэна.

Хотя Лю Дай был заключён в тюрьму, его продолжали хорошо кормить и содержать. Дело ещё не было рассмотрено, как Чжан Тао уже начал требовать его оправдания.

Хотя Се Цзин был только четвёртого ранга, все считали, что именно он руководил работой Цензората и Храма Дали, поскольку император лично снял Лю Дая с должности. Теперь единственной влиятельной фигурой в зале заседаний был Сюй Чэн, и отношения Се Цзина с императором и Сюй Чэном стали очень важными.

Несмотря на слухи и сплетни, Се Цзин не позволял себе расслабляться в расследовании. Днём он допрашивал Лю Дая, а ночью вместе с левым цензором Ду Фанчунем и главным судьёй Храма Дали Дин Шианем проверял показания и сопоставлял их с другими доказательствами.

Лю Дай, в отличие от своего поведения в качестве главного советника, хотя и саркастически комментировал повторные вопросы, но отвечал на всё.

После более чем полумесяца расследования три суда пришли к выводу, что обвинения в том,

что Лю Дай приказал Фан Яню и Го Фэну сотрудничать с Бэйсяном, были подтверждены. Однако Лю Дай настаивал, что он ничего не знал о засаде на императора за пределами города Баонин на Утёсе Тигриная Пасть.

Этот результат не стал неожиданностью для Се Цзина, он и сам так предполагал. Лю Дай не имел никакой выгоды от покушения на императора.

Однако вопрос о том, стоит ли включать это обвинение в приговор, оставался сложным.

<http://bllate.org/book/16200/1454120>